

Магия: центр и окраина в рассказе Т. Толстой «Факир»

Потапчук Елена Юрьевна, кандидат культурологии, доцент
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)

В условиях современной культуры легко размываются границы и разрушаются бинарные оппозиции. В своем рассказе «Факир» Т. Толстая представляет, как перестает быть актуальной оппозиция «центр – окраина». Герои этого произведения – Галя и Юра – живут в определенной ценностной системе координат. Точка отсчета в ней – центр города Москвы. Идеал Гали – уютный и одухотворенный мир И. И. Филина. Он обитает в «хрустальном дворце» в пределах Садового кольца, слушает Моцарта, коллекционирует ценные безделушки, угощает гостей грейпфрутами с креветками, ананасами и удивительными знакомыми: чревовещателем, историком, бардом и т.п.

Портрет Филина в начале рассказа насыщен аристократическими и романтическими деталями: домашний бархатный пиджак, тяжелые венецианские перстни, угольные брови и борода, малиновый халат с кистями, серебряные янычарские тапки. Т. Толстая называет черные глаза Филина анатомическими и мезистофельскими, подчеркивая тем самым вневременные классические черты его облика. «Дамы у Филина тоже не какие-нибудь – коллекционные, редкие. То циркачка... или мамина дочка... белизны необыкновенной» [1, с. 205-206].

Филин общается с полуфантастическими личностями: с Игнатием Кирилычем, знающим секрет тарталеток, которые едал сам Александр Сергеевич Пушкин; с дядей Сашей, сбившим немецкий самолет из пистолета; с собакой, разогревающей обед своим хозяевам; с балериной без ноги Дольцевой-Еланской, в девичестве Собакиной, по первому мужу – Кошкиной, по второму – Мышкиной.

Неудивительно, что Галя и Юра с трепетом ждут приглашения в гости к Филину. «Программа вечера была ясна: белая хрустящая скатерть, свет, тепло, особые слоенные пирожки по-тмутаракански, приятнейшая музыка откуда-то с потолка, захватывающие разговоры. Всюду синие шторы, витрины с коллекциями, по стенам развешаны бусы. Новые игрушки – табакерка ли с портретом дамы, упивающейся своей розовой голой напудренностью, бисерный кошелек, пасхальное... яйцо или... что-нибудь не нужное, но ценное» [1, с. 205].

Зарисовки квартиры Филина резко контрастируют с описанием пространства окружающей дороги. За ней влачит свое жалкое и стыдное существование семья Гали: тьма, пустынность, холод. «А у них, на окружающей... боже мой, какая там сейчас густая, маслянисто-морозная тьма, как пусто в стылых провалах между домами, да и на самих домов не видно, слились с ночным, отягощенным снежными тучам небом, только окна там и сям горят неровным узором... Поздний час, магазины закрылись на засовы, последняя старушка выкатилась, прихватив с собой пачку маргарина и яйца-бой, никто не гуляет по улицам просто так, ничего не рассматривает, не глазет по сторонам, каждый порхнул в свою дверь,

задернул занавески и тянет руку к кнопке телевизора. Глянешь из окна – окружная дорога, бездна тьмы...» [1, с. 215]. Особенно героиню угнетает приземленность, одичалость, не цивилизованность окраины. Образом-символом окраины стал лесной «несчастный» волк, который «вынужден жить» здесь. Он «выходит на бугор в своем жестком шерстяном пальтишке, пахнет можжевельником и кровью, дикостью, бедой, хмура, с отвращением смотрит в слепые ветренные дали, снежные катыши набились между желтых потрескавшихся когтей, и зубы стиснуты в печали, и мерзлая слеза вонючей бусиной висит на шерстяной щеке, и всякий-то ему враг, и всякий-то убийца» [1, с. 215-216].

Галя и Юра предпринимали немало попыток попасть в идеальный мир центра-цивилизации-аристократии, но все они заканчивались катастрофами. Сказочные построения рассыпались в прах. Например, напросились в гости к историку Матвей Матвеевичу послушать про ледяной дом, но старик принял их в грязной хибаре, жаловался на чиновников, пил валерьянку, «пол дощатый, стены коричневые, голые, да и вообще район кошмарный, заборы и ямы, сам в тренировочных штанах, совершенно уже белесых, чай спитой, варенье засахаренное, да и то прямо в банке на стол брякнул, ложку сунул: выковыривайте, гости дорогие... Уложив старика, рано ушли, и Галя порвала колготки о старикову табуретку» [1, с. 207]. Потом уже к себе в гости пригласили барда, чтобы привить культуру окраине. Но опозорились: собака Джулька завывала, когда бард Власов пел свои песни. Проникновенный музыкант затребовал за концерт червонец. «Галя побежала к соседям... те вытрясли даже детскую копилку под рев обобранных детей и лай рвущейся Джульки» [1, с. 209]. Попробовали невероятными усилиями поменять квартиру и переехать в центр, раз уж идеал не приживается за окружной дорогой, но «когда розовый ангел воздушным пером уже заполнял ордера – трах! – она (старуха. – Вставка моя. – Е. П.) передумала... Вот так – взяла и передумала. И отстаньте все от нее» [1, с. 220].

Мир оказался враждебным, он не предсказуем, не понятен, бесчеловечен. «Кто-то безымянный, равнодушный, как судьба, распорядился: этот, этот и этот пусть живут во дворце. Пусть им будет хорошо. А вон те, и те, и еще вот эти, и Галя с Юрой – живите там. Да не там, а воон там, да-да, правильно, у канавы, за пустырями... Разговор окончен» [1, с. 219]. И Галя по ночам воем, как тот самый лесной волк, в своем бессилии. Она добыла билет в Большой театр, в партер, чтобы окунуться в прекрасную атмосферу, пусть даже без Юры. Но окраина не сдастся, она тащится грязью на обуви, сорняками, дрянцом на подоле, не отпускает героиню.

Галю постигло разочарование, шаг за шагом произошло крушение ее ценностей, идеальное обернулось низменным. Галя легко моделирует вечер с

новой исключительной личностью Валтасаровым. «Теперь же как-то вдруг ясно стало: ничего не выйдет. Вот Филин с людьми умеет, а мы — как-то нет» [1, с. 209]. И Галя мечтает выйти замуж за Филина, он видится ей «гигантом, ифритом с пугающе черным взглядом» [1, с. 222].

Но осенью она увидела его в метро. «Он идет, как обычный человек, маленькие ноги его... ступают по банному кафелю перехода;.. маленькие кулачки шарят по карманам...» [1, с. 222]. Кумир оказался торопливым и озабоченным, еще и сморкался. Вечером стало известно, что Филин прописан еще дальше, чем Юра с Галей, в Домодедово, а чудесную квартиру в центре он снимает. Филин превратился в жалкого карлика. На банном кафеле перехода король оказался голым. Галя пережила дискредитацию идеала.

В рассказе «Факир» обрисовано разрушение основ Галиной системы ценностей: оппозиции «центр — окраина», «Москва — окружная дорога», «духовность — низменность», «культура — дикость». В театре — последнем бастионе идеального — в испорченном настроении Галя вместо прекрасных маленьких лебедей увидела членов профсоюза. «Вот сейчас отпляшут они сколько велено, натянут рейтузы — и по домам: в ледяное Зюзино, в жидкое Коровино, а то и на... страшную окружную дорогу» [1, с. 221-222]. Иначе говоря, все поглотила окраина; центра — нет, идеал отсутствует.

Центральный персонаж произведения — Филин — творит свою среду обитания, руководствуясь только своими собственными желаниями. Он превращает жизнь окраины в поток приключений. Талант этого человека заключается в умении увидеть в облике некрасивой усатой женщины (Алочки), в платье цвета соленого огурца, Алису из страны чудес, в умении рассмотреть за окном пейзаж этой самой страны чудес, в умении одухотворить окружающий мир.

Филина нельзя уличить во лжи, так как он сам искренне верит в свои выдумки, серьезно подчиняется законам своих фантазий. В гордом одиночестве

под музыку Брамса за столом, сервированном белыми гвоздиками, он ест треску, не сомневаясь, что перед ним судак-орли. Филин произносит: «Точность — вежливость королей», и Галя и Юра чувствуют себя царственными особами. Филин — мастер гипноза, факир, зачаровывающий всех вокруг своим словом. Игра и мифотворчество адаптирует человека к условиям непредсказуемого мира. «Внутри игрового пространства господствует присущий только ему совершенный порядок... она (игра. — Вставка моя. — Е. П.) устанавливает порядок, она сама и есть порядок» [2, с. 29]. В ответ на чью-то усмешку Филин произносит, что он предпочитает верить [1, с. 213].

В рассказе Т. Толстой полное разочарование в окраине, которая поглотила все, сменяется гимном ей же. «Что ж, сотрем пальцем слезы, размажем по щекам, заплоем лампы: и бог наш мертв, и храм его пуст. Прощай! А теперь — домой. Путь не близкий. Впереди — новая зима, новые надежды, новые песни. Что ж воспоем окраины, дожди, посеревшие дома, долгие вечера на пороге тьмы. Воспоем пустыри, бурные травы, холод земляных пластов под боязливой ногой, воспоем медленную осеннюю зарю, собачий лай среди осиновых стволов, хрупкую золотую паутину и первый лед, первый синеватый лед в глубоком отпечатке чужого следа» [1, с. 226].

Удивительный мир предоставляет массу возможностей для самореализации личности, для творения мира (у Гали есть любящий муж, дочка, музыкальная овчарка; по улице ходят янтарные индусы в белоснежных мусульманских кальсонах, горные старухи в калошах и другие примечательные люди). Но если факир, конструируя свою среду обитания, создает иллюзию гармонии (реальность Филина состоит из множества внешних деталей), которая легко может быть разрушена в силу своей предметности, то повествователь в рассказе обладает удивительным талантом преображать мир посредством языковых метафор, в этом и заключается магия писательницы Татьяны Толстой.

Литература:

1. Толстая Т. Любишь — не любишь. — М.: Оникс, ОЛМА-ПРЕСС, 1997. — 384 с.
2. Хейзинга Й. Homo ludens. — М.: Прогресс — Традиция, 1997. — 416 с.